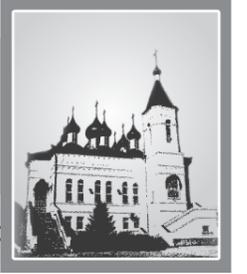

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

«Сила книги». Статья 2-я.

В подростковом возрасте нужно читать о путешествиях, пиратах, приключениях. Фенимор Купер, Жюль Верн, Стівенсон... Какая-то невосполнимая потеря угадывается там, где подросток не зачитывается за полночь, не мечтает над книгой, не представляет себя одним из героев. Потом, когда его обожжет изнутри неукротимо просыпающаяся сила пола, когда он начнет томиться и грустить, ему может не удастся взять в руки томик поэзии или серьезную книгу о той жизни, где не так много приключений, зато много слез и ошибок. А как же не сойти с ума в период созревания без умного шепота хорошей книги? И в зрелом возрасте, не привыкший читать, он не потянется к философии, к религии, к истории. Он просто останется недоразвитым. И только потому, что у него нет навыка того молчаливого собеседования с автором, спрятавшимся в буквах, – навыка, именуемого чтением.

Наша эпоха, бегущая в пропасть стремглав и теряющая по дороге накопленные столетиями навыки, должна знать, что вырастает из человека, не привыкшего к чтению. И что представляет собой общество, состоящее из нечитающих людей. Образ затерянного в джунглях некогда цветущего города появляется в воображении при этих мыслях. Вспомните мультфильм «Маугли» или фильм Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня». В первом случае бандерлоги скачут по увитым лианами руинам храмов и дворцов. Во втором – сумасшедший белый вождь чинит суд над жителями джунглей среди развалин древней цивилизации. А ведь раньше и там, и там кипела иная жизнь: звучала музыка, выслушивались советы мудрых. Теперь всё кончилось. И чем сменилось? Новым варварством на треснувших камнях никому не понятного прошлого. Так уже бывало в истории, и кто поклянется, что так более быть не может? Может. Мы уже сегодня топчем треснувшие камни непонятного прошлого, которое до тех пор не заговорит с нами, пока мы не подружимся с книгой.

Что бы ни читал человек, он читает Евангелие. Пусть эта мысль не кажется ни дерзкой, ни наивной. Впрочем, она и дерзка, и наивна одновременно, потому что она истинна. Христос в Откровении Иоанна назвал Себя Альфой и Омегой, Началом и Концом. Альфа и омега – это первая и последняя буквы греческого алфавита. И надо же, чтобы Слово Отца и Премудрость Божия добровольно вместила Себя полностью в рамки алфавита и, как камень оправы, ограничила Себя буквами первой и последней! Между альфой и омегой, включая их самих, всего 24 буквы. И все богатство мира внешнего, а также богатство мира внутреннего, человеческого может быть закодировано при помощи самых разных сочетаний этих 24 малых знаков. Мало того – и Сам Господь, однажды воплотившийся от Девы, вновь воплощается, но уже в письменных знаках, поддается записи. Теперь можно думать, что всё записанное буквами человеческого недалече от Бога. Всюду, где есть альфа и омега, беты и гаммы; всюду, где есть текст, – должен быть и Христос.

Слово пастыря

Собственно, изначально люди к письменности так и относились. Письменность не для утренних газет придумана, а для фиксации Откровения. Справа ли налево, как у семитов, или слева направо, как у нас, или столбиками, как на Востоке, она – письменность – всегда сверху вниз и никогда снизу вверх. Она не вверх растет, как Вавилонская башня, а вниз опускается, как дождь на пашню.

Один знакомый человек, физик по образованию, окончил курсы, позволяющие преподавать Закон Божий. Но работает по-прежнему в школе учителем физики. Его спрашивают: «Что ж вы Закон Божий не преподаете?» Он отвечает: «Как же! Преподаю». – «Так вы же физику преподаете!» – «А этой закон? Разве не Божий?»

Физика, без сомнения, есть Божий Закон. И химия, и биология, и география тоже. К любой книге о природе могут быть эпиграфом слова: «Взгляните на птиц небесных» (Мф. 6, 26) или «Посмотрите на полевые лилии, как они растут» (Мф. 6, 28). Почему бы учебники астрономии не надписывать словами из псалма: «Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс. 8, 4-5).

Таковы дела и с музыкой, и с математикой. Таковы дела с литературой и историей. И сказка о золотом ключике есть все та же притча о блудном сыне, только оформленная языком сказки. Притча о блудном сыне – это и «Кружной путь паломника» Льюиса. В эту притчу вообще рискует поместиться вся великая литература, где есть и утрата себя, и стремление вернуть утраченное счастье. Да и как не вписаться в эту притчу доброй половине литературы, если вся жизнь отдельного человека и всего человечества в нее вмещается?

Есть люди, не умеющие собирать грибы. Они их просто не видят. Опытный грибник идет следом за неумелым новичком, и у него полное лукошко, тогда как у новичка пусто. Так же и с литературой. Прочешь книгу – это все равно что в лес сходить. А вот понять книгу – это значит вернуться домой с грибами: с лукошком собранных смыслов. Кто, к примеру, не читал «Мертвые души» Гоголя? Но многие ли из читающих поняли, что они имели дело именно с мертвыми душами? То есть с душами, которые по дару Творца бессмертны, однако же умирают своей особой смертью, если отлучаются от Бога и живут вне Его о них замысла. Или «Ревизор» того же Гоголя. Мимо всех нюансов фабулы, мимо исторических условий возникновения комедии это – апокалипсическое видение. Хлестаков ничтожен, но возведен на неслыханную высоту (на кратчайшее время) страхами измаравшихся в грехах людей. Таков механизм поклонения Антихристу и всякого временного торжества грандиозных обманов. А между тем настоящий Ревизор есть и Он близ, при дверях. «Ревизор» – это книга, говорящая о Христе и Антихристе гораздо точнее и больше, чем одноименная трилогия Мережковского в тысячу страниц.

Чтобы возвращаться из леса с грибами, а не просто ходить в лес, нужно

читать «много, но не многое». Так говорили древние: «не многое, но много». Именно так один из друзей моей юности и учил меня читать. Сам он прочитывал раза по три в год все те же «Мертвые души» и «Братьев Карамазовых». Эффект более действенный, нежели если бы он прочел всю «Британскую энциклопедию». Там ум растекался бы по всей Вселенной, а здесь заострился и закалился, не обременяясь фактами, но вырастая по сути. Много, но не многое. Это вполне относится и к Евангелию с Псалтирью.

То, что богословие в литературе подобно начинке пирога, начинке, без которой пирог – не пирог, а лишь буханка хлеба, не должно нас смущать. Это не пропаганда и не заранее придуманная клерикалами каверза. Это просто жизнь души внутри евангельских интуиций. Это чудо творчества, наконец. Творчества, которое от благодати Святого Духа. Писатели не состояли на службе у Церкви. Они могли спорить и даже воевать с нею. Но в лучших творениях своих выходили на иные пласты бытия, где Божие вступало в свои права, а человеческое подчинялось.

Прочтите непредвзято сказки К. Чуковского. Про то, как Айболит летит на орле (!) – символе евангелиста Иоанна – к бегемотикам в Африку. Про то, как крокодил Солнце проглотил. Про Федору, которой воспротивились бездушные вещи. Всюду вы почувствуете намек на духовную проблематику. Неважно, зашифрованный это сознательный намек или плод творческого бессознательного. Так или иначе, там повсюду евангельская парадигма. А раз так, то смело цитируйте Чуковского там, где люди хотят насильничать над миром, и тушить солнце, и маленьким тараканом запугивать больших животных.

Или Оскар Уайльд. Сам по жизни далекий от христианской нравственности, он, тем не менее, чуток к совести и прикосновениям Бога к совести. Вот он пишет «Дориана Грея». Пишет о том, как гниет душа, проданная за красоту тела и телесные же наслаждения. Ведь это учение апостола Павла. Тот пишет о внешнем и внутреннем человеке, об их антагонистичных отношениях, о борьбе. Но стоит нам пойти к людям со словами о борьбе внешнего тленного человека и внутреннего нетленного, как нас зашикают и заставят замолчать. Нас обзовут ретроgrадами и ненавистниками земной любви. На нас вооружатся всем арсеналом жаржавельных пик и алебард, доставшихся в наследство от безбожного гуманизма. Но мы не будем так поступать. Мы призовем на помощь певца эстетики, несчастного красавца Оскара. Уж с ним-то спорить вы не будете. Не его ли саркофаг обцелован на Пер-Лашез миллионами уст поклонниц? Не он ли жертва ханжества и гомофобии? Однако вот он говорит о том же, о чем и апостол Павел, только облекая смысл в одежды художественного текста, а не проповеди. Ну, вы согласны с ним? А раз с ним, то и с Павлом. А раз с Павлом, то и с Иисусом, распятым за наши грехи. Так литература превращается в доброго Троянского коня, завозя спецназ евангельских идей на территорию озлобленного и враждебного Небу города. И что тут добавить, кроме банального: «Учиться надо. Читать и думать».

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Чувствую, что живем в последние времена. Возможно ли мирянину проповедовать и насколько можно делиться своими мыслями на эту тему с людьми?

Насчет последних времен. Если бы мы даже не жили в последние времена, то для нас все равно неизбежен конец земной жизни. Господь в одной из притч призывает нас всегда быть готовыми к Его пришествию на землю и суду, не называя срока. Нам надо думать о дне своей смерти и дорожить временем для перехода в вечность.

«Возможно ли мирянину проповедовать?» Для этого надо иметь богословскую подготовку, чтобы вместо пользы не повредить людям, а также благословение своего духовного отца. Но следует помнить, что самая лучшая проповедь – это непорочная жизнь христианина, которая является примером для других.

Каково ваше отношение к известному миссионеру и публицисту протоиереев Андрею Кураеву, а также профессору МДА А.И. Осипову?

К протоиереев Андрею Кураеву и профессору МДА А.И. Осипову я не испытываю негативных чувств как людям и желаю им вечного спасения. Но как к богословам у меня есть значительные претензии, особенно к профессору Осипову, который, отрицая первородный грех, поразивший человечество, и искупительный подвиг Христа Спасителя, отступает от Православия.

Можно ли попросить батюшку, чтоб помог исповедаться, задавая наводящие вопросы, так как записывая на листок все, боюсь, пройдет формально. Сам исповедался один раз в жизни и, прочитав по листку слов 30, меня батюшка спросил: «И всё?!» После понял, что мое покаяние было тщетно.

Можно, но наводящие вопросы священника на исповеди должны помочь человеку припомнить и осознать свои грехи и исповедовать их. Исповедь включает в себе самоанализ. Пассивное согласие с тем, что «я грешен во всем», это, скорее, уклонение от исповеди, чем исповедь.

Каково должно быть отношение не к своим личным обидчикам, а к тем, кто обидел кого-то из близких тебе?

Христианин должен прощать личные обиды, но вступаться за других, когда тех несправедливо обижают.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

НОВОСТИ 07.11.2016. Панихида по «всем умученным и убиенным в годы безбожного лихолетья» совершена 7 ноября в Москве.

08.11.2016. Скончался ранее возглавлявший Ивановскую кафедру архиепископ на покое Амвросий (Щуров).

08.11.2016. В Курске вандалы спилили крест на братской могиле жертв репрессий.

08.11.2016. В старейшей церкви Лондона организовали онлайн-трансляции богослужения.

08.11.2016. В Грузии, возможно, запретят зажигать церковные свечи вблизи древних фресок.

09.11.2016. Патриарх Кирилл поздравил Дональда Трампа с избранием на пост президента США.

09.11.2016. РПЦЗ: совершена хиротония архимандрита Ириней (Стинберга) во епископа Сакраментского.

10.11.2016. Житель Грузии устроил погром в Доме юстиции, получив электронное удостоверение личности с тремя шестерками. По информации грузинских информационных лент, опубликованной в печатном издании «Тбилисская неделя», мужчина, получивший документы в батумском Доме юстиции, пришел в ярость, обнаружив, что ему выдали электронное удостоверение личности, содержащее набор цифр 666 – или «число зверя». Молотком он разбил мониторы и кабины для фотоснимков. В МВД Грузии заявляют, что мужчина задержан, против него возбуждено уголовное дело по статье «повреждение или уничтожение чужого имущества». Появление электронных документов в Грузии негативно восприняли часть верующих жителей и духовенства ГПЦ. Они не раз устраивали публичные акции протеста, заявляя, что новые удостоверения личности содержат «число дьявола», и ими пользоваться нельзя. Позже к разбирательству по этому вопросу подключился Священный Синод ГПЦ, который постановил, что новые удостоверения личности не содержат в себе опасности. Однако часть населения Грузии по-прежнему отказывается от электронных документов и требует выдать им альтернативные удостоверения личности.

11.11.2016. Раввин: «Снегопад в Петербурге – результат еврейской молитвы». Изобильный снег, выпавший в Санкт-Петербурге в начале ноября, – это неспроста. Здесь можно увидеть глубокие духовные причины, считает раввин Шауль Брук, комментарий которого приводят «Еврейские новости Петербурга». 7 числа месяца Хешван по еврейскому календарю – особая дата. Начиная с этого дня, евреи Израиля читают в молитве «Амида», одной из главных еврейских молитв, определенную вставку («таль уматар»), где содержится просьба о дожде. В этом году 7 хешвана выпало на 8 ноября. И как раз одновременно с этим в Петербурге повалил сильнейший снег.

«Ваша философия» и другие рассказы протоиерея Алексея Лисняка

Продолжение. Начало в №37

Лисенок

Дядя моего дружка служил лесником и как-то преподнес своему племяннику рыжий подарок. Лисенка поселили на балконе в собачьей будке.

Раз после школы приятель предложил:

– Пойдем лисенка смотреть?

Нас – пятиклашек – не перегружали уроками, и я согласился:

– Пойдем!

Запуганное создание со страхом таращило на нас свои дикие глазки. Его шею стягивала петля из засаленной вожжи. Свободный конец лисьей удавки был привязан к балконным перилам. Мы вдвоем глядели в будку. Я присел, потянулся его погладить, но друг меня вовремя удержал:

– Ты чё! Он же дикий! Палец враз оттяпает!

Я попятился, а хозяин в подтверждение своих слов стал тыкать в будку палкой и тыкать по-лисьи:

– Кех-кех! Кех-кех!

Рыженький оскалится, выставил из будки зубастую морду и сам угрожающе затыкал:

– Кех-кех!

– Выдал? Дикий зверюга! Он, паразит, весь балкон загадил, отец заставляет с ним гулять, а эта тварь не хочет, боится. Щас сам увидишь.

На улице маслился мартовский снег... Мы оделись, и друг потянул лиса за вожжу. Тот хрипел, упирался. Когда же приятель выдрал его из убежища и потащил через комнату, лисенок сразу юркнул под кровать, затыкал оттуда. Из-под кровати его вытянули, и он нырнул под шкаф. Потом он испугался лифта – забился под лестницу. А когда мы втроем все же очутились на улице, лис схоронился под скамейку у подъезда, запугал свой поводок вокруг скамейкиных ножек и оскалится. На тьяканье сбегалась дворовая пацанва. Друг сразу всех предупредил, что дикий «зверюга» только и ждет какого-нибудь ротозея, руку отгрызть. Смотреть на запуганное животное вскоре надоело, и ребяташки разбежались. Мы присели на лавочку, под которой скалился лис, заскучали. Прохожие с интересом разглядывали лесное чудо, а мой друг по-хозяйски тыкал в звериную морду палкой, изображал дрессировщика.

В одном подъезде с моим укротителем соседствовала красивая студентка Машка. Она обычно нам улыбалась и всегда шутила. Теперь она возвращалась из института и остановилась возле «дрессировщика»:

– Что это там у тебя? – она присела. – Ух ты, лисичка!

Приятель растерялся при ней и не успел предупредить Машку, что зверя стоит опасаться. Она тем временем распутала удавку, приняла лисенка на руки и уселась на нашу скамью. Зверенок притих у нее на руках, успокоился, а она сунула лиса за пазуху и запахла так, что торчала только усталая чернорыжая мордочка. Машка гладила зверюгу и рассказывала ему, какой он миленький. Мы с другом поплыли, все смотрели на это лисье преобразование. Потом девушка и нам позволила погладить зверушку. Шерсть такая упругая...

* * *

Я бы и не вспомнил того лисенка, если бы однажды, спустя годы, случайно не встретил его укротителя.

Летним вечером пустой троллейбус шуршал по городу. Кондуктор зарзительно зевал. На остановке в салон прыгнул ссутуленный рыжий гражданин. Он забился в уголок на задней площадке и обзрел нас, троих троллейбусных обитателей. Признаться, я не сразу угадал в нем моего школьного приятеля. Желтое лицо заросло щетиной, в руках полупустой вытертый пакет. Но главное – дикий запуганный взгляд.

Линия обесточилась. Троллейбус пискнул, встал и распахнул двери. Я решил подойти:

– Привет, Васёк! Я тебя еле узнал!

– А, это ты... – мне почудилось, что бывший одноклассник оскалится щербатым ртом.

– Сколько лет, – говорю, – вот так встреча! Ну, как живешь? – Я выдал первое, что приходит в голову в таких случаях. Приятель насторожился, оглядел меня и вскинулся:

– Что ты лезешь?! Что вы все ко мне лезете! Идите вы все!

Он просочился мимо меня и юркнул в распахнутую дверь. Больше мы не виделись.

Долго потом гадал, что такое могло приключиться с моим

стародавним другом. Не похоже, чтобы он пил и бродяжил. Билет-то он покупал. Денежку извлекал хоть из драного, но все же из кошелька. Должно быть, где-то работает. Семейный – обручальное кольцо там, где и полагается. А сам все равно напоминает своего забитого лисенка, которого укрощают.

Чужую душу сходу не расшифровать... И мне стало ясно лишь одно – не всем рыжим с Машками везет.

Солдатские поминки

Сегодня счастливый день – мы с Семенычем наслаждаемся плодами церковно-армейского сотрудничества. Один добрый командир решил оказать шефскую помощь нашему восстанавливаемому храму, и с утра на подмогу прибыло ползвода солдат. Для того чтобы выгребать из храма строительный мусор, не нужна особая квалификация. Мы, признаться, и сами справились бы с этой нехитрой задачей, но Семеныч решил, что «молодежь надо воспитывать» и что «через церковную лопату солдатики получают не меньше благодати, чем через кадило». Я с ним согласился. Воины с лопатами и носилками принялись за церковное самовоспитание. Они ловко управлялись, сновали с мусором между опорами свежевыстроенных лесов. А леса удались на славу – двадцать метров в высоту. Теперь с них можно легко ремонтировать купол.

Семеныч и я подумали осмотреть стены вверху и, пока солдатики работали, мы, как две неуклюжие обезьяны, медленно вскарабкались на самый верх.

Отсюда наши помощники показались трудолюбивыми муравьями, которые зачем-то нарядились по-военному. С опаской ступаем по настилу. Сучья и гвозди цепляются за пальцы подрясника. Здесь, наверху, все дышит историей. На облупившихся фресках, под слоем свернувшейся краски, видны следы химического карандаша. Это лет сто тому назад художники наносили разметку. Они же, наверное, и вбили в стены мелкие разметочные гвоздики. Все это цело здесь. Нет уже тех живописцев, и дети их, наверное, уже преставились, а добрая память об их труде тут, нетронутая. Там, где раньше стояли оконные рамы, видны гвозди покрупнее, кованые. Кое-где сохранились фрагменты оконных коробок, причудливо собранные из мелких кусочков дерева. Семеныч – опытный столяр – так и не смог определить породу этих деревьев. Целый век здесь не ступала нога человека. Всюду – историческая слава. Может быть, за эти гвозди Господь поселил в раю праведных ковалей, а за эти бывшие рамы отпустил столярам их прегрешения. Строителей, штукатуров и каменщиков мы с Семенычем тоже помянули. Интересно, подумалось, как они выглядели, как общались друг с дружкой, откуда были родом? Теперь этого уже не узнать. Может быть, потом, на Страшном Суде, с ними увидимся и успокоим любопытство?

Добрые размышления долго бы еще радовали, но здесь, наверху, сохранилась и горькая историческая прослойка. Еще до возведения лесов вид расстрелянных фресок вверху коробил, а теперь, вблизи, это зрелище просто устало и меня, и Семеныча. Давно еще он рассказывал, что во время войны немцы не дошли до нашего села пары десятков километров. Для укрепления обороны в селе расквартировались наши родные военные курсанты. Настоятеля к тому времени уже расстреляли, и храм стоял бесхозный. Вот вечерами после занятий курсанты приходили в церковь и на спор – меткие – палили по глазам угодников, что здесь нарисованы. Врага себе представляли. «Святые, вишь ты, им не угодили. Богу, главное, угодили, а им нет». Семеныч вынул из кармана стамеску и принялся выковыривать из иконы старую пулю. Я подобрался к нему поближе и приставил к стене ладонь, чтобы пуля не свалилась на головы наших нынешних трудников-солдат. На лету поймал ее и почувствовал какое-то грязное отражение. Сразу припомнились Кузнецовские строки про пулю-дуру:

Вот она, горячая и злая.

На лету поймал ее в кулак:

«Здравствуй, дура, радость-то какая!»

А в ответ я слышу: «Сам дурак!»

Разглядываю пулю, и мысли сами собой уносят меня куда-то далеко, за Урал. Там в войну какой-нибудь подросток стоял у станка в промозглом цеху. Отливал эту пулю и думал: «Как хорошо. Теперь эту пулю наши бойцы загонят в лоб если не самому Гитлеру, то, наверное, какому-нибудь злобному фрицу. Чтоб война скорее кончилась, чтоб братья с фронта вернулись».

Семеныч тем временем наковырял еще десяток таких пуль. Все они отливались, чтобы угостить ненавистных врагов, но воины решили ими распорядиться по-своему. Выходит, что святых угодников они ненавидели больше, чем захватчиков? Только вот за что?

Конечно же тех, кто трудился в тылу в те далекие годы, мы

с Семенычем помянули, а как быть со злыми курсантами, я до сих пор не знаю. На каждой службе молимся о нашем русском воинстве, а тут вот язык не повернулся. Их страшные судьбы в селе до сей поры на слуху. Те, кто стрелял в лики, и сами в первом бою получали пули в лицо. Те, которые взорвали храмовую пристройку, сами на минах подорвались. Говорили и о том молодце, что крест сломал и сбросил с купола. Сам, мол, с высоты на фронте сорвался и шею себе сломал. Это все объяснимо и понятно. Не ясно только, что с ними теперь происходит там? И как таких воинов помянуть?

Спустившись с лесов, мы показали пули нашим военным помощникам. Семеныч поведал им те старые неприятные истории, и они приуныли. Лишь один сержант играл желваками, а его друг ефрейтор выпалил: «Вот ведь гады!» Такие вот получились поминки.

Моя зависть

Попа видно и в рогоже. И не сосчитать, сколько раз мне приходилось проверять на себе эту народную примету! Во что ты ни нарядись, чем ни прикройся – вот он, поп, смотрите! Вся его рогожка сквозит, светится! Только в примерном случае я оказался к этому как-то особенно не готов.

Провинциальный оперный театр – не шибко-то и греховно, кажется... Мусолю в руках либретто. Уже прозвучал третий звонок, вот-вот вознесется занавес и из оркестровой ямы вулканом плеснет в зал долгожданная увертюра. Сцену заполняют гости и слуги герцога Мантуанского, и меж ними замелькает придворный шут горбун Риголетто. Эта опера мне по душе. Мобильник выключен, и ничто не помешает теперь «вкусить ушами»...

И я вкусил. Правым ухом:

– Вы ведь батюшка, да?

Мой пожилой сосед по всем приметам истинный меломан. Все при нем – бинокль, галстук, запах буфетного коньяка и свежей икры.

– Я всегда замечаю в зале новеньких. Гляжу, ну точно – батюшка и есть. Посоветоваться нужно...

Вопреки ожиданиям, вместо карлика-шута в костюме Риголетто облачен весьма крупный, осанистогозлый актер. Он явился так, как обычно являлись значительные начальники, и зал насторожился. На всякий случай, чтобы не запутаться в персонажах, я заглянул в либретто. Там сообщалось, что сейчас над этим горбатым тщедушным шутом Риголетто господа ехидно оскалятся: «Горбун в купидона решил превратиться!» Посмотрев на сцену, начинаю сомневаться, под силу ли это станет недокормленным дворянам? И вот гости герцога окружили солидного толстого шута, словно куклы приблизились к Карабасу Барабасу. Ниже него на голову, они взглянули свысока, мастерски сыграли ехидство. Было забавно. Но скоро Риголетто запел по-итальянски о своей печали, и на публику навалилась тоска. Мой заскучавший сосед вырубил, продолжил советовать:

– Знаете, кто меня тревожит? Моя сестра. Да, да. А все дело в том, что она – дура. Не обычная дура, нет. Редкая. Раньше она была не такой, работала директором универсама, знаете, такая – все в дом, в семью, мне помогала. К ней только зайди поведать, сразу: на тебе, Коля, икры, на тебе, братец, балычка. Все дефициты у нее перепробовал при совке. Квартирка была неплохая. А потом, когда вышла на пенсию да когда мужа ее Васю похоронили, она совсем рехнулась...

Сзади на нас зашипели «нельзя ли потише». Забывшийся было сосед заметил, что от шепота перешел уже к полному голосу, извинился и отстранился от меня. Это было кстати – на сцене утвердился румяный герцог из Мантуи, в яме замелькали седые кудри дирижера, и началось знаменитое «Сердце красавицы склонно к измене». Распестрившиеся после первого акта декорации будто располагали молодого, жизнерадостного герцога к веселью и праздности. Софит над его головой изобразил солнечный свет, и беззаботность хлынула со сцены. Эх, попрыгунья стрекоза! Пой, веселись!

Почудилось, будто на взаправдашней хмельной пирушке поднялся самый веселый. Он вознес над головами стакан, грянул залихватскую, и все те, которые до этого еле-еле везли «Бежал бродяга с Сахалина», вдруг утерли скучную слезу и просияли. Ни один не остался в стороне. Кто-то развернул гармонию, кто-то разбежался подпевать, а прочие рассыпались вприсядку по всей горнице. Украдкой оглядываю публику. Лица ожили, кое-кто ослабил галстук. Вытирают раскрасневшиеся лица, кажется, что запыхались. С таким оптимизмом и не жить?! Последний аккорд, низкий поклон, и зал взрывается аплодисментами. Bravo!

Хорошо, когда весело! Хотя правильнее – весело, когда хорошо.

Продолжение следует

Отметим

Авва Геронтий Петрский сказал: «Многие, искушаемые сладострастием, не совокупляя телесно, блудодействуют мыслию; сохраняя девство тела, растлевают девство души. Возлюбленные! Необходимо отречься от услаждения блудными помыслами и мечтаниями, от общения с ними и внимания к ним, по наставлению Писания, которое говорит: «Всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходича живота» (Притч. 4, 23).

* * *

Говорил авва Даниил: «Чем тучнее тело, тем немощнее душа, а чем суше тело, тем сильнее душа». Также говорил: «Чем более иссыхает тело, тем душа делается утонченнее; душа, чем делается утонченнее, тем она делается пламеннее».

* * *

Святой Григорий Богослов говорил: «От каждого человека, получившего крещение, Бог требует трех добродетелей: правой веры от всей души и от всей крепости, воздержания языка и чистоты тела».

* * *

Святой Епифаний, архиепископ Кипрский, говорил: «Незнание Писания – великая стремнина и глубокая пропасть». Также говорил: «Незнание Божественных законов – великое предательство своего спасения». Еще говорил: «Чтение Писания – великая защита от греха».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

13 ноя., вс. – Неделя 21-я по Пятидесятнице. Апп. от 70-ти Стахий, Амплия, Урвана, Наркисса, Апеллия и Аристовула. Мч. Епимаха. Прп. Никодима Кожеезерского.

14 ноя., пн. – Бессребренников и чудотворцев Космы и Дамиана Асийских и матери их прп. Феодотии. Сщмч. Иоанна епископа и Иакова пресвитера, в Персии пострадавших.

15 ноя., вт. – Мчч. Акиндина, Пигасия, Аффония, Елпидифора, Анемподиста и иже с ними. Прп. Маркиана Кириинской. Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери.

16 ноя., ср. – Мчч. Акепсима епископа, Ибсифа пресвитера и Аифала диакона. Обновление храма вмч. Георгия в Лидде. Прп. Акепсима. Прав. Снандулии. Сщмч. Николая и мч. Павла.

17 ноя., чт. – Прп. Иоаннкия Великого. Сщмч. Никандра, еп. Мирского, и Ермея пресвитера. Блж. Симона, Христа ради юродивого, Юрьевецкого. Прп. Меркурия Печерского.

18 ноя., пт. – Мчч. Галактиона и Епистимии. **Свт. Ионы, архиеп. Новгородского. Свт. Тихона, патриарха Московского и всея России.** Свт. Григория, архиеп. Александрийского.

19 ноя., сб. – Свт. Павла, патриарха Константинопольского, исповедника. **Прп. Варлаама Хутынского.** Свт. Германа, архиеп. Казанского. Прп. Варлаама Керетского.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!